

**“DESTINY LED ME
TO THE LAUNCH
FACILITY”**

**«СУДЬБА
ДОВЕЛА МЕНЯ
ДО ПОДНОЖИЯ
РАКЕТЫ»**

Maksim N. FALILEYEV,
The Museum of Cosmonautics
press office specialist, Moscow, Russia,
moojaa@mail.ru

Максим Николаевич ФАЛИЛЕЕВ,
специалист пресс-службы Московского
музея космонавтики, Москва, Россия,
moojaa@mail.ru

ABSTRACT I Cosmonaut-researcher, Cand. Sci (Tech), engineer-colonel, scientist, academician of the Russian Academy of Cosmonautics named after Tsiolkovsky Valentina Leonidovna Ponomareva tells about “women’s cosmonaut corps”, meetings with Gagarin and her “space career”. The article was prepared with support of the Museum of Cosmonautics press relations service.

Keywords: *Ponomareva, Tereshkova, Gagarin, Korolev, women in cosmonautics*

АННОТАЦИЯ I Космонавт-испытатель, кандидат технических наук, полковник-инженер, ученый, действительный член Российской академии космонавтики имени К. Э. Циолковского Валентина Леонидовна Пономарева рассказывает о женском отряде космонавтов, встречах с Гагариным и о своей «космической карьере». Статья подготовлена при поддержке пресс-службы Московского музея космонавтики.

Ключевые слова: *Пономарева, Терешкова, Гагарин, Королёв, женщины в космонавтике*

Этот год – юбилейный для отечественной космонавтики. В начале 1963-го, после первых успешных полетов, Сергей Королёв принял решение о запуске на орбиту первой женщины. Среди претенденток, наряду с Жанной Ёркиной, Татьяной Кузнецовой и Ириной Соловьевой, были и две Валентины – Пономарева и Терешкова. Все девушки соответствовали строжайшим условиям: та, что первой отправится в космос, должна была обязательно заниматься в аэроклубе или быть парашютисткой, возрастом до 30 лет, ростом до 170 см и весом до 70 кг. Уже летом, 16 июня 1963 года в 9:29 с космодрома Байконур стартовал корабль «Восток-6» с женщиной-космонавтом на борту.

Первая и единственная в мире женщина, совершившая космический полет в одиночку, Терешкова за свой подвиг была удостоена множества наград и званий, сделала впоследствии серьезную политическую карьеру. Судьба Валентины Пономаревой, дублера первой космонавтки планеты, сложилась иначе – на орбите она так и не побывала. После закрытия в 1969 году космической женской группы она работала в Центре подготовки космонавтов (ЦПК), где преподавала слушателям динамику космического полета.

На встрече, посвященной 50-летию создания женского отряда, Терешкова произнесла такие слова: «Выбрали тогда нас, пять девочек, молодых, умных, красивых. Прошло с тех пор 50 лет, а мы все еще вместе. Мужиков в нашей жизни

было достаточно – они приходили и уходили. А мы продолжаем быть вместе. Все выдержали, несмотря ни на что».

В сентябре Валентина Пономарева отметила свой 85-й день рождения. В рамках проекта Музея космонавтики корреспондент журнала «ВКС» побеседовал с Валентиной Леонидовной.

*Валентина Пономарева, 2018 год
Фото: Дмитрий Сушко*

«Я ВСЕГДА СТРЕМИЛАСЬ НА ПЕРЕДНИЙ КРАЙ НАУКИ»

– Сколько вам уже приходилось давать интервью? Это сотое, должно быть?

– Все спрашивают об одном и том же. Уж столько о подготовке рассказано и показано... Но я человек привычный, терпеливый – расскажу.

– Про подготовку мы обязательно еще поговорим, а откуда у вас появилась страсть к небу?

– Страсть к небу возникла, когда я начала летать. Но я сама так никогда не формулировала: «страсть». Скорее, любовь к полетам, к летанию! Страсти и не было до тех пор, пока к нам в школу не пришел студент-парашютист и не организовал кружок. Наша женская школа (это было так давно, что обучение еще было отдельным соседством с МАИ, а тогда было принято, чтобы все над всеми, особенно над младшими, шефствовали. При МАИ был аэроклуб, в котором бросали «перворазников» в качестве подготовки к службе в армии. Я тогда училась в 10-м классе, а всего записалось 10–12 десятиклассниц. Зимой мы изучали матчасть тяжелого десантного парашюта ПД-47. Прыгать собирались весной, но все, как обычно, сдвинулось – на лето. И я успела окончить школу, поступить в вуз, но прыжков по-прежнему не было. Нас осталось двое из первоначальной группы, я и моя подруга, Мика Виссинг.

Ожидание тянулось долго, пока в один прекрасный день нам не сказали: «Завтра прыгаем». И вот очень рано мы тихонько ушли из дома, никому ничего не сказав, и поехали на аэродром Крюково, в авиационно-спортивный лагерь МАИ. Студенты всю дорогу пели. Этих песен мы раньше не слышали, но нам понравилось – и они, и вообще дух, который царил на горе парашютов. Прыгнули, в конце концов, на По-2 – надо было выйти на плоскость и натурально с нее свалиться. Было страшно, но ничего, справились. Только я при приземлении ударилась о запасной парашют и разбила губу.

Вернулись мы очень поздно. И когда приехали домой, обнаружили, что родители нас уже с собаками ищут. А у меня было два брата и сестра младшие, они не спали, ждали моего возвращения. Ничего особенного не случилось, тем не ме-

нее, и оба брата, и сестра, когда выросли, тоже занимались парашютным спортом.

– Значит, это парашютный спорт так повлиял на вас?

– Так складывалась судьба. Между прочим, ни раньше, ни позже парашютного кружка в нашей школе не было. Но я немного не с того начала. Когда я окончила школу, решила поступать в инженерно-физический институт. Тогда как раз между физиками и лириками шла дискуссия – что важнее: техника или гуманитарные области знаний. Стихи даже были: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне...» Вот и я считала, что настоящий человек должен быть на переднем крае науки, и поступила в МИФИ.

Первый свой прыжок я совершила уже после того, как поступила в институт. И после этого долгого летнего дня, наполненного разнообразными впечатлениями – и преодоление себя, и сам прыжок, – я решила из МИФИ уходить и идти учиться в МАИ.

Стала требовать, чтобы мне вернули документы. Сначала ходила к декану, он меня все не хотел отпускать, говорил: «Да зачем вам» и «Почему...», мол, всю жизнь будете болт с гайкой чертить. И когда я из дома уходила в институт, каждый раз у нас начиналась дискуссия с отцом, который тоже окончил авиаинститут. Раза два три я ездила и попадала снова на декана, а однажды попала к заместителю, совсем молодому человеку, он посмотрел на меня и тут же распорядился выдать документы. И я была в некотором ошеломлении – за что боролась, на то и напоролась. Отправилась поступать в МАИ. А был уже конец августа, прием документов закончился, но у меня была золотая медаль, поэтому меня приняли. Все-таки, согласитесь, какие-то необычные зигзаги судьбы.

И еще к вопросу о страсти – когда я поступила в институт, хотела записаться в аэроклуб, на летное отделение. В аэроклубе мне сказали, что на летное отделение не принимают, пожалуйста – парашютно-планерный. Но я была максималисткой и сказала «Нет, мне только летный».

Меня не взяли, и тогда – сама себе удивляюсь – я проявила такую настырность! Пошла по всем инстанциям – в комитет комсомола, в партбюро факультета, но мне нигде не хотели помочь.

Когда я окончила школу, как раз шла дискуссия между физиками и лириками – что важнее: техника или гуманитарные области знаний. Я посчитала, что настоящий человек должен быть на переднем крае науки и поступила в инженерно-физический институт.

Валентина Пономарева
со старшим сыном Сашей

С мужем Юрием Анатольевичем

К декану обратилась, говорю – хочу летать. А он: «Пожалуйста, летайте! От Москвы до Владивостока и обратно...» И так я дошла до комитета комсомола института и парткома. Я потом посчитала – пять инстанций! Все посмеивались, считали меня, наверное, чудачкой... Тем не менее мои хождения возымели действие, и меня таки взяли на самолетное отделение. Вот после того я, конечно, заболела самолетами.

«СТЕСНЯЛАСЬ СКАЗАТЬ, ЧТО БУДУ КОСМОНАВТОМ»

– Конец 1950-х – начало 1960-х годов – это время наших первых успехов в космосе! Чувствовалась вокруг эта атмосфера?

– Как будто рука судьбы меня специально направляла... Потому что я среди прочих записалась в кружок высотных полетов. На самом деле это был космический кружок, но тогда слова «космонавтика» в принципе не было. Полеты в космос называли «космические путешествия», «путешествия на другие планеты»: это были годы противостояния, 1957-й и далее. И сначала разрабатывались ракеты, а путешествия к планетам – это так, фантазии, расходовать силы и время на которые в таких обстоятельствах нельзя. Поэтому кружок и маскировался под названием «высотных полетов». А я поступила на двигательный факультет, он назывался тогда «моторный», потому что ракетная специальность появилась позже, уже к старшим курсам. И я опять пошла туда, на передний край.

Кружок вели старшекурсники, которые разрабатывали космическую идею практически нелегально, энтузиастами, но имели связь с фирмой

Королёва. И когда я окончила институт, меня тоже распределили к Королёву в ОКБ-1. Но туда меня не пустила моя семья, потому что я была на последних сроках беременности. Пришлось идти на поклон к старшим друзьям, они переместили направление на Институт прикладной математики, где тоже были увлечены космосом и меня пытались увлечь. Но вся моя душа тогда была отдана аэроклубу и полетам – для космической тематики не было места.

– Валентина Леонидовна, как же Вы попали в космическую программу?

– Как будто кто-то снова направил в нужное русло. Эта извилистая дорожка привела в Институт прикладной математики, где мне и было сделано предложение полететь в космос. На новогоднем вечере один из сотрудников института спросил меня: «А ты хочешь полететь в космос?» Я ответила, что, конечно, хочу. Я тогда куда угодно согласилась бы полететь... Но пришла домой и забыла – Новый год ведь, хорошее настроение. И утром даже не вспомнила об этом разговоре. Тогда у нас было два космонавта – Гагарин и Титов, и представить, что тебе вот так, между делом, предлагают попасть в когорту избранных, было совершенно невозможно.

После праздника этот сотрудник заглянул к нам в отдел и сказал: «Валентина, пиши заявление о том, что хочешь в космос». Я всячески отнекивалась, посчитала розыгрышем или шуткой. Но он был тоже очень настырный человек, Всеволод Александрович Егоров, который сейчас имеет мировое имя в небесной механике. А тогда он был просто Севка Егоров, взял за руку и повел в кабинет к Мстиславу Келдышу, директору института. Наверное, с ним была договоренность заранее. Келдыш прочитал мое заявление, похмыкал и говорит: «А поче-

му вам нравится летать?» Я несколько оторопела – ожидала других вопросов – серьезных, деловых, а тут... Подумала немножко и отвечаю: «Не знаю». Келдыш говорит: «Правильно. Этого знать нельзя». Я с ним согласна. И поэтому ответить на ваши вопросы – «Как возникла страсть и почему?» – я не могу.

– Но в итоге вы согласились полететь в космос? Как вообще появилась эта идея?

– Идею набрать женщин для полета в космос инициировал Николай Каманин. В то время у американцев была программа «Меркурий», и женщины проходили обследование. Их не собирались отправлять, но посмотреть, способны ли они в принципе, американцы хотели. И социальный заказ на то, чтобы первой женщиной в космосе была советская, был очень настойчив. Все говорили и писали, а Каманин эту идею продвигал.

Когда это началось, стало понятно, что все по-настоящему. Еще интересно: я пришла увольняться с работы к начальнику отдела, и он спросил: «Почему?». Я ответила, что поступаю в школу космонавтов. Он очень удивился: «А что, есть такая школа?» А я стеснялась сказать: тогда и слово-то «космонавт» еще не прижилось...

Когда я уже прошла амбулаторную комиссию, надо было ложиться в госпиталь на обследование и сказать мужу, куда я собираюсь. Несколько дней не могла решиться – если бы он ответил «нет», мне пришлось бы смириться. Я все думала, думала и даже плакала, роняя слезы на сковородку. Ему, видно, надоело на меня смотреть, и он прямо спросил, в чем дело. Тогда я выложила, опасаясь, что он мое решение задробит. Но мы с ним вместе летали в аэроклубе, он тоже болел авиацией. На этой почве, думаю, сложилось понимание, и он разрешил. Я прошла комиссию, сыночка четырехлетнего сдали маме.

После этого меня... призвали в армию! В то время считалось, что кандидат в космонавты может быть только военным летчиком или связанным с летной специальностью. Для женщин потом смягчили, а тогда у меня забрали паспорт и выдали маленькую серенькую солдатскую книжку, где было написано: «рядовой необученный». Нас всех, 12 человек, поселили в двухэтажный фли-

гелек в профилактории – тогда еще Звездного городка не существовало, был ЦПК, служебные здания.

С нами в госпитале проходила комиссию Марина Попович, и она верховодила нами, поскольку была инструктором в аэроклубе, летала и знала больше, чем все остальные. Да и по характеру – лидер. Заставляла нас по утрам крутить головой. Мы выходили, становились в кружок на лестничной площадке и крутили до тех пор, пока нам не становилось нехорошо. А Марина говорила, что после этого нужно есть лимоны (которые вроде бы снимали состояние тошноты). И все, кто нас посещал, родные и близкие, приносили лимоны в авоськах. Их тоже, знаете, есть не очень просто. До сих пор на лимоны даже смотреть не могу. А вечером Марина заставляла нас песни петь. Они оба любили петь, и Марина, и Павел Попович, ее муж-космонавт – внизу в летной столовой стояло пианино. Пели мы: «Заправлены в планшеты...», «И на Марсе будут яблони цвести»... Вот так началась моя космическая жизнь.

– Знаю, что ваше знакомство с Юрием Гагариным началось не совсем обычно?

– Первая встреча с ним была в Центре подготовки, 12 апреля, в первую годовщину полета, но это не стало хорошей приметой. Гагарина я увидела утром, когда мы спустились в летную столовую, а они приехали завтракать из своих квартир на Чкаловской. Я сидела лицом к двери, когда он вошел. Уж не знаю, что со мной случилось (а я помидор резала, что тоже удивительно – это было 12 апреля, помидоры в Москве в то время так рано не появлялись). Уронила и нож, и помидор, наклонилась поднимать – чуть не перевернула стол. Находилась в таком потрясении, просто «уму нерастяжимо», как говорит Татьяна Кузнецова. Гагарин всем пожелал доброго утра и, конечно, ничего не заметил или сделал вид, что не заметил. А я впала в «расстройство чувств»...

Гагарин относился внимательно к нашей группе. Он был тогда командиром отряда и понимал всю тяжесть подготовки. Это сейчас испытания кажутся не такими трудными, а тогда надо было преодолевать. У меня одна тренировка, помню, была реально на грани издыхания – морская, в скафандрах, и я никак не могла отцепить замок

После обследования и прохождения амбулаторной комиссии меня призвали в армию: в то время считалось, что кандидатом в космонавты может быть только военный летчик. У меня забрали паспорт и выдали серую солдатскую книжку, где было написано: «рядовой необученный».

На медицинском обследовании

Валентина Пономарева и Валентина Терешкова на занятиях по радиопеленгации

парашюта. Я просто умирала, когда меня подняли на борт, температура была больше 39 градусов.

Юра обязательно раз в неделю приезжал нас проведать. Однажды нам выдали олимпийские костюмы: синие, шерстяные, с белыми лампасами. Это было что-то! Мы ходили только в них – даже в столовую. Но он нам сделал выволочку и сказал: «В столовую – только в платьях».

Как-то приехал и говорит: «Давайте я свезу вас в ГУМ, в сотую секцию. Если денег нет, дам займы». И повез на своей машине. Приехали мы в ГУМ, на втором этаже эта секция. Гагарин шел впереди, очень быстро: его ведь все узнавали, а он стремился, наоборот, не привлекать внимания. И нас пятеро за ним гуськом бежит. Тут я оглянулась – следом, с такими же сосредоточенными лицами – цепочка женщин. Зашли в эту секцию, дверь закрыли, не пустили никого, отсмеялись. Тогда мы, как сказал Гагарин, «прибарахлились»...

Что меня поражает, это его доклады о полете – совершенно спокойные, деловые, как будто ничего особенного и не происходит. Корабль начал вращаться, как Гагарин говорил: «голова-ноги», а он сидел и даже не знал, чем это может закончиться! Тем не менее, спокойно докладывал. Как можно так себя держать и не впасть в уныние! Человек он был необыкновенный, все эпитеты, которые в превосходной степени к нему обращают, вполне заслужены.

И притом – живой, веселый, очень любил пошутить, подначить кого-нибудь. Леонов и Гагарин – вот два человека, что формировали климат в отряде. Оба были весьма до шуток охочие и мастеровитые. Когда мы готовились к полету, он рассказывал, как при его посадке женщина с теленком появилась, как они испугались и убега-

ли, а он кричал «Я свой, советский!». Хотя у него и на шлеме было написано «СССР».

Гагарин был близкий, хоть и великий – но свой. А Сергей Павлович Королёв, конечно, недостижимый. Я помню, как он на Байконуре говорил и обещал на госкомиссии: «Вы все будете в космосе». Но когда мы приезжали к нему на фирму, он всегда находил время с нами поговорить. И, несмотря на то, что был принципиальным противником женских полетов, Сергей Павлович относился к нам внимательно.

«ГАГАРИН БЫЛ ПРОТИВ НАШЕГО ПОЛЕТА»

– Почему же из 12 человек в космосе оказалась только Терешкова?

– В начале пути все одинаково считали, что плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, и тому подобное... Но, понимаете, практически все мужчины в Звездном считали, что женщине на корабле не место! И когда мы пришли в отряд, это их нисколько не обрадовало. Они считали, что это лишнее. Они все были летчики, а мы – девчонки. Хоть и спортсменки авиационные, но все равно – девчонки, тем более молодые, такого же возраста или младше. Я думаю, это профессиональный эгоизм и ничего больше.

Мне как-то передали слова Юрия Гагарина, которые были сказаны им на мандатной комиссии: «Можно рисковать жизнью мужчин, если это требуется для страны. Иногда можно рисковать жизнью холостых девчонок. Хотя и не стоило бы. Но недопустимо рисковать жизнью матери». Тем не менее, они нас приняли в коллектив, опекали, помогали, поскольку такое решение принято – надо его выполнять.

Наша мечта увядала потихоньку. Второй раз подготовка женской группы началась в 1964–1965 году. Тогда Каманин, это мне точно известно, снова преодолел сопротивление Королёва, который никак не хотел соглашаться на включение нас в программу «Восходов». И снова из-за политических мотивов – потому что экипаж уже летал и осуществил выход в открытый космос. Но на женский полет тоже выход в космос планировался, говорилось, что он «прикроет наше отставание и повысит престиж».

И Королёв, и все космонавты были против, несмотря на то, что мы были друзьями. Почему – мы понимали: у американцев в это же время шла успешная и очень короткая программа Gemini, а наш «Союз» все никак не мог сойти со ступеней, разрабатывался и разрабатывался. В Центре подготовки образовалась длинная очередь на полет из космонавтов-мужчин.

А в 1969 году группу расформировали. Может быть, мы и сами зря привлекли к себе внимание – написали письмо в ЦК КПСС, что в Центре есть группа женщин, которая неоднократно прошла весь курс подготовки. «Все готовы к полету, и потому он обойдется недорого, и вместе с тем послужит на славу...». Изящно было сформулировано. А в ЦК подумали и ответили, что они очень ценят наше стремление послужить Отчизне, но в данный момент Отчизна в этом не нуждается... Становилось все очевиднее, что это бесперспективно. И мы постепенно понимали, что наша группа – как чемодан без ручки: нести тяжело, а бросить жалко.

– За всю историю советской космонавтики на орбиту поднимались всего три женщины. Недавно на МКС побывала россиянка Елена Серова. В НАСА – 47 женщин. Почему такая большая разница?

– История развития женской пилотируемой космонавтики у американцев и у нас – прямо противоположные. Американские летчицы имели налет в 1000 часов, но и они сначала пробивались, как мы, ходили по инстанциям. Посещали высоких чиновников, дошли до президента с требованием включить их в программу полетов, но ничего не добились. То есть чистейшая дискриминация по гендерному признаку. У нас наоборот – решение о полете женщины было принято ЦК КПСС. А потом очень неудачно склады-

вались обстоятельства. «Союз» запаздывал, дискриминация развивалась тоже. Между прочим, Савицкая полетела в космос через 20 лет после Терешковой, Кондакова – через 10 лет после Савицкой... Уже первые три точки дают убывающую геометрическую прогрессию. Я хочу сказать, что американцы не делили своих астронавтов на мужчин и женщин, а делили на специалистов и профессионалов. Да, они не пускали женщин на «Меркурий» и «Джемини», мотивируя это тяжелыми условиями труда, но потом все же запустили на шаттлы.

– Расскажите о позывном «Чайка», ведь это вы его придумали?

– Есть много версий позывного Терешковой – что его Королёв придумал или сама Валя. Но это ошибочные версии, а единственно правильная и достоверная – «Чайку» принесла в женский отряд я. Я участвовала в авиапарадах и летала в составе женской пилотажной группы на Тушинском аэродроме. И все эти годы наша группа имела позывной «Чайка»: однажды специально для нас пошили очень симпатичные голубые комбинезоны, и на аэродроме называли «чаечками». Вот этот боевой позывной и пошел в полет.

«ТЕМ, КТО ХОЧЕТ В КОСМОС, НАДО ГОТОВИТЬСЯ И ЛЕТЕТЬ»

– Есть ли какое-то разочарование от того, что вы так и не побывали в космосе?

– Судьба точно вела меня к ракете, но довела только до подножия, а затем решила бросить... Однако я не помню для себя чего-то особо трагического. Как раз в этом же 1969 году Центр подготовки был реорганизован в Научно-испытательный центр, возникли новые направления работы, и мы все нашли себе нишу в новой организации. Это смягчило горечь расставания. У всех появилось дело жизни. У меня – подготовка и отчасти механика. На этапе общекосмической подготовки молодых космонавтов я читала лекции по механике небесного полета и очень этим увлекалась. Работа была обширной и интересной, и я вполне могу вам ответить, что жизнь в профессии удалась.

История развития женской пилотируемой космонавтики в США и у нас – прямо противоположные. Американцы не делили своих астронавтов на мужчин и женщин, а делили на специалистов и профессионалов.

Валентина Пономарева и Жанна Ёркина, празднование нового, 1963 года

Летчица Валентина Ковалевская (Пономарева)

А потом началась повседневная жизнь, в которую мы постепенно втягивались. Мы ведь в одном доме жили, встречались на разных мероприятиях и просто на лестничных площадках. Ирина пошла в психологию, Жанна работала с тренажерами, а Татьяна занималась противорадиационной защитой. Все по разным зданиям, комнатам и этажам, но на дни рождения обязательно собирались. Даже когда я переехала из Звездного городка, приезжала к ним, и мы отмечали мой День рождения. Со временем встреч естественным образом становилось меньше, а по телефону мы активно общаемся до сих пор.

У нас было что-то вроде девиза... Мы когда-то на космодроме с Ириной, наверное, уже после запуска Терешковой, пели песню: «Спокойно, дружище, спокойно, у нас еще все впереди». Не совсем девиз, скорее лейтмотив. А еще «Боле-ро», которое мы друг другу напевали, если кто-то предавался унынию. Это означало: «Перестань киснуть, все будет хорошо!» И потом я вам скажу – того, чего добилась Валентина Владимировна Терешкова, таких административных высот, ни одна из нас добиться не смогла бы – другой менталитет, другой характер, по-другому построена личность.

– Что бы вы могли посоветовать тем девушкам, которые сегодня хотели бы попасть в отряд космонавтов?

– А я таких девушек не знаю. Однажды проводили открытый конкурс у нас и, насколько я помню, девушки и женщины заявок не подавали. Очень простой совет – готовиться! Чтобы пройти медкомиссию, заботиться о здоровье. Готовиться технически, язык требуется, по крайней мере, английский. Потом идти на конкурс, писать заявление. Вот когда Терешкова слетала, была масса заявлений от женщин, желающих в космос!

Мешками ей письма носили! Так выражается желание. А если их не слышно и не видно – значит, не так уж и хотят.

– Но, может быть, какое-то стандартное пожелание от себя?

– Простое и самое главное – бодрости, успехов, и чтобы любили Родину. Мне не нравится сегодняшнее потребительское общество. Я, например, слушаю рекламу и понимаю, что людям прививают гедонистический образ жизни! Но зачем? Не это нужно человеку.

Свобода? Я никогда я не была озабочена ею как проблемой. Даже в Советском Союзе, при том, что была цензура. Сейчас везде кричат: «Свободы не хватает!». Но есть «свобода для» и «свобода от». И когда они кричат об этом, они сами не знают, какую свободу имеют в виду.

– Валентина Леонидовна, большое спасибо за интервью!

© Фалилеев М.Н., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 17.10.2018

Принята к публикации: 09.11.2018

Модератор: Дмитрюк С. В.

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Фалилеев М.Н. «Судьба довела меня до подножия ракеты» // Воздушно-космическая сфера. 2018. №4(97). С. 98-105.